История начинается: знакомьтесь, Накацуми Мана!

Девчонка стояла на картонной коробке, наполненной каким-то мусором, которая мало чем отличалась от любой другой коробки в Конохе, особенно в весенний сезон, когда люди обычно начинают убираться и выкидывать мусор, накопившийся с зимы. Содержимое таких коробок мало представляло из себя ценности для двенадцатилетней девочки, лишь тот факт, что они были расположены в центре деревни. То, что она вытворяла на этих коробках, было не похоже ни на что, что жители деревни видели раньше, и заставляло немалые толпы народа собираться вокруг ребенка и наблюдать за ее необычным поведением.

Коноха была деревней целиком и полностью населенной шиноби, однако люди, живущие там, жили в иллюзиях, что это не был военный городок, но они были не совсем правы. Шиноби выполняли миссии на благо и деревни, и ее жителей. Большую часть времени шиноби сталкивались с другими шиноби, поэтому никакое место, извлекающее выгоду из насилия и конфликтов, не может быть названо невоенным. Какими бы правами жители деревни не пользовались, насколько бы не была правдоподобной иллюзия мира, они жили в деревне наемников, убийство для которых не было чуждо. Возможно, это послужило причиной, почему девочка так заинтересовала публику.

Девчонка с слегка загорелой кожей и темными волосами, завязанными сзади, и с налобной повязкой деревни Скрытого Листа была одета в повседневное цветастое платье черного цвета, какое носили все её ровесницы, а также в сандалии, и выполняла различные фокусы для развлечения публики. Ее выступление включало в себя как простые трюки, так и требующие использование ниндзюцу, что люди могли встретить не так часто. Ниндзюцу было создано, чтобы убивать и скрывать свое присутствие, выполнять поставленные задачи, а это дитя использовало такую технику для забавы зрителей, исполняя её безопасно, но крайне зрелищно. Она создавала искры, при этом используя врожденную ловкость рук куноичи, быстро убирая и обнажая предметы. Зрители с радостью принимали эту девочку…

Девочка открыла глаза с первыми лучами солнца, которое посчитало необходимым разбудить молодого генина чуточку раньше, чем он желал бы. Она потёрла свои уставшие глаза и уселась, рассматривая озарённую светом комнату, ее раздражённый и уставший взгляд метнулся к картонке, отрывку из ее любимой книги, которая висела на окне и заслоняла ее от света. Ее рука потянулась и быстро сорвала эту картонку: «Спасибо, я это запомню, Шико-кун…», — подумала она, насмешливо выражая благодарность персонажу, изображённому на лоскутке. Этот рисунок иллюстрировал одно из его культовых сражений с шиноби Киригакуре, в которого едва можно было поверить в тот момент, так как в реальности он провалил свою миссию по защите молодой девушки от солнечного света утром. Жизнь — это тебе не сказка…

— Мана, когда ты уже спустишься?! Ты же не хочешь опоздать для своего «одноразового благодетеля», не так ли? — донёсся голос отца снизу. Мужчина был чуунином Конохи с весьма мощным голосом; будучи просвещенным человеком, он звучал твёрдо и уверенно в себе, что не делало его голос слишком грубым или мрачным. Благодаря таким данным, он хорошо подошёл бы на роль учителя, но вместо этого он привык отчитывать своих противников, попавших в ловушку «Великого Ловца Конохи», как его называли. Причиной, по которой Мана была осведомлена обо всем этом, служили друзья отца, которые иногда собирались вместе и поведывали девочке обо всех приключениях ее отца, звуча при этом так гордо, что жестокость этих рассказов заставляла ее сомневаться в их правдивости. Однако Хибики-сан, конечно, не

мог прыгнуть пятьдесят метров в высоту и поймать свиток, который они должны были вернуть обратно, так ведь?

Мана вскочила с кровати и натянула белую рубашку, лениво застёгивая ее и попутно заправляя кровать. Этот день был особенным для неё, учитывая тот факт, что она выпустилась из Академии Шиноби три дня назад. Этот день она должна была провести не в качестве шиноби, это был скорее день, посвящённый магии! Девочка имела маленькое необычное хобби для куноичи, она выполняла волшебные трюки на картонной коробке полной мусора на всеобщее обозрение. Наблюдать такое поведение было странно лишь для тех людей, которые не знали настоящую Ману.

Девчонка с растрёпанными по всему лицу темными волосами и кожей, несколько бледной для представителя Конохи, была на самом деле очень миролюбивой и доброй душой, она отвергала идею того, что ниндзютцу – это искусство убивать. Для Накоцуми Маны вся жизнь была священной и магической, а ниндзюцу было лишь ее частью, как особый вид магии, которая была нацелена на защиту источники этой силы – саму жизнь. Поскольку Мана верила, что ниндзюцу – это магия, предназначенная оберегать жизнь, ей пришлось всем показывать, что ниндзюцу не предназначено для убийства, а скорее ему можно столько значений, сколько человек её использующий может придумать.

Сгорбленная и заспанная фигура лениво ступала по лестнице из своей комнаты на кухню, где мама успела нажарить блинчиков. Мама Маны работала в кафе под названием «Кафе Накацуми» в центре деревни, она знала все виды причудливых блюд и напитков. Мама знала, как приготовить кофе, тот самый странный напиток, который приходили к ней попробовать многие жители, однако по какой-то причине она не хотела, чтобы Мана его пробовала, может это был алкоголь или что-то еще? Девочка уселась на стул и начала уплетать завтрак за обе щеки, которые были весьма миленькими. Мимо пролетел кухонный нож и воткнулся прямо в гору блинчиков, лежащих на тарелке посередине стола.

— Надеюсь, ты не собираешься благодарить мистера Ханаду таким образом, ты же понимаешь, что он спонсировал твое выступление, так ведь? — сказала мать. Она была женщиной доброй, но с дерзким характером, единственная в своей семье с более темным оттенком кожи, что заставило Ману усомниться в том, от нее ли она его унаследовала.

— Я собираюсь одеться и причесаться, мам, хочу поскорее снять с себя эту униформу, — ответила девочка после того, как проглотила завтрак; к тому моменту брошенный нож ее уже не беспокоил.

— Что, прости?! — воскликнула мама в шутливой манере с улыбкой, — мы сделали эту униформу вместе, помнишь? Сшили ее из лоскутков ткани. Семья вместе посмеялась.

— Ханада тот еще жулик, — сказал отец, одетый в жилет чуунина. Скорее всего скоро он должен был бежать на задание.

— Да уж, как-то неприятно осознавать, что выступление моей дочери пользуется успехом

благодаря человеку с такой репутацией… — мать почесала лоб, готовя новую порцию блинчиков к уже накопившейся стопке на столе.

— Ну, он может и подонок, но, полагаю, он поклонник искусства… Будем надеяться, что в Мане его заинтересовала художественная сторона, а не та, за которую я бы его с радостью поколотил. — Отец закончил разговор и выпил чай.

— Что ж, я ухожу, потом расскажи, как все прошло, — он попрощался и умчался прочь, а Мана с матерью помахали ему рукой.

http://tl.rulate.ru/book/59918/1978509